

Немѣукуе
Народѣнѣ
Барлаама

Семейные
Сародные
Баррады

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

Немецкие Народные Барлады

В ПЕРЕВОДАХ
Льва Гинзбурга

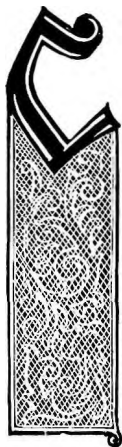
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Москва 1959

Составление, предисловие и примечания

Л. ГИНЗБУРГА

Гравюры художника
Евг. БУРГУНКЕРА

таринные немецкие баллады... Казалось бы, какое дело современнику, занятому нашим великим сегодня, до забытых песен седой, к тому же еще чужеземной древности? Быть может, излитые в них и давно канувшие в вечность переживания, печали, радости интересны лишь небольшому кругу любителей старины да исследователям, пишущим свои диссертации?

Вот они проходят перед нами, герои и создатели этих баллад: крестьяне в неуклюжих домотканых куртках, беглые монахи, закутанные в дырявые порывевшие плащи, рудокопы, школяры, подмастерья. Нет, это не просто романтические персонажи, вытасненные из небытия поклонниками средневековой экзотики, а живые люди: одни громко, от души смеются, другие плачут, не стыдясь своих честных слез, третьи, подымая тяжелый мужицкий кулак, утрумо грозят обидчикам и угнетателям. Это тот самый народ, о песнях которого Генрих Гейне когда-то сказал: «Тому, кто хочет узнать немцев с лучшей стороны, я советую прочитать их народные песни». В этих балладах и песнях клокочет народная жизнь: безыменные поэты хорошо знали свою бурную эпоху, душу своего народа. В «Старинном предсказании близкой войны» воссоздан быт деревни. В шуточном споре крестьянина и рыцаря «гордость мужика», который в поте лица сеет хлеб насыщенный, прямо противопоставлена «ничтожной чести трутня», более того — в этом споре

слышны отголоски грозных событий: восстаний «Башмака» и «Бедного Конрада», Великой крестьянской войны. Человек труда поверил в свои неограниченные возможности, в самого себя, ощутил свое человеческое достоинство. Его перестали страшить и могущественные феодалы, и отцы церкви, и зловещие силы потустороннего мира.

Грубоватые, иногда чересчур прямолинейные, народные баллады означили новую эпоху в немецкой поэзии. Воспевая лучшие качества человека: трудолюбие, честность, отвагу, независимость, их творцы не признавали половинчатости в споре между добром и злом. Без колебаний отправляли они на эшафот разбойника рыцаря, затягивали петлю на шею насильника феодала, низвергали прямо в геенну огненную богатея, который «хлебом кормил свиней и псов, а людям отказывал в хлебе». Зато какого сочувствия исполнены баллады, в которых говорится о людях обиженных и слабых, ставших жертвами социального неравенства, коварства или собственных заблуждений! Кого не взволнует исповедь детоубийцы, дочери пастора из Таубенгейма? Народная поэзия грудью своей заступилась невинно осужденную и назвала подлинного преступника. Она знала, за кого заступаться и кого обвинять. Поэтому с такой дерзостью издевалась она над скрягой хозяином, который целую зиму морил голодом беззащитного подмастерья, и весело отпускала грехи беглому монаху, променявшему бессмертие души на объятия белошвейки. В «Тангейзере» сам господь бог выступает союзником язычницы Венеры и своим милосердием посрамляет бездушного папу Урбана IV. Забавный рассказ о том, как смысленный портняжка оставил в дураках чертей и самого сатану — больше чем простой анекдот. Реформация не прошла бесследно и для поэзии.

Конечно, было бы наивным искать в каждой балладе отражения конкретных событий и фактов. Баллады — не летопись и не историческая хроника. В них есть нечто большее: свидетельство силы и бессмертия создавшего их народа. В раздробленной, разоренной стране, истерзанной междоусобными войнами и раздорами феодалов,

в стране, где проповеди святош и лицемеров призывали к умерщвлению плоти и вечному покаянию, народ слагал веселые песни о вине и любви, о весне, которая неизбежно победит лютую зиму, о жизни, которая восторжествует над всемогуществом смерти. Вот почему эти баллады прорвали «громаду лет», пережили многие поколения и не уйдут из памяти потомков. Их силу хорошо понимали господствующие классы, когда уничтожали «летучие листки» с текстами крестьянских песен. Именно по этой причине до нас почти не дошли баллады времен Крестьянской войны, созданные в лагере восставших, и так щедро представлен в позднейших немецких антологиях антикрестьянский «эпос», где князья изображались благодетелями, а мужики — разбойниками, мораль же сводилась к призыву сохранять верность господам.

На протяжении столетий снобы третировали народную поэзию, называли ее примитивной, плебейски ограниченной. Однако великие поэты Германии считали иначе. Как драгоценные жемчужины, сверкают народные баллады и песни в гётевском «Фаусте». Шуточные мужицкие «песни-споры», их простодушные притчи отозвались в творчестве Шиллера, так же, как легенда о русалке Лорелее нашла свое наивысшее воплощение в стихах Гейне. Услышав однажды ночью в соседней комнате провинциальной гостиницы песенку о девушке, с которой говорит ее мертвый жених, Готфрид Бюргер создал свою знаменитую «Ленору». Но дело не только в сюжетных заимствованиях. В поэзии Гёте, Шиллера, Гейне, Шамиссо мы узнаём внутреннюю мелодию, ритмы, дыхание народных баллад. Их использовали и поэты позднейших эпох: Рюккерт и Мёрнке, Геббель и Гласбрэннер, Гервег и Фрейлиграт, и наши современники — Бехер, Брехт, Вайнерт.

Быть может, в немногих странах с такой тщательностью записаны, собраны, классифицированы, изучены произведения фольклора, как в Германии. Многотомные сборники составлены Гердером, Уландом, Зимроком, Бенцманом, Лилленкроном и другими. В начале

XIX века поэты-романтики Арним и Брентано обогатили немецкую фольклористику: около тысячи народных баллад и песен собрали они в «Волшебном роге мальчика», книге, значение которой трудно переоценить. Четыреста лет назад эти баллады и песни исполнялись под аккомпанемент волынки. Сохранились даже ноты: причудливая, почти колдовская музыка, грациозная и задумчивая одновременно.

Хочется верить, что эти впервые переведенные на русский язык старинные баллады — далекие голоса с далекого Рейна или Эльбы — оценит и полюбит наш читатель.

Лев Гинзбург

Немецкие
народные
баллады

КРЕСТЬЯНИН И РЫЦАРЬ

На некий постоялый двор
Заброшены судьбою,
Мужик и рыцарь жаркий спор
Вели между собою.
Нет любопытней ничего
Иной словесной схватки.
А ну, посмотрим, кто кого
Положит на лопатки.

«Я родом княжеским горжусь,
Я землями владею!»
«А я горжусь, что я тружусь
И хлеб насущный сею.

Когда б не сеял я зерно,
Не рыл бы огород, —
Подох бы с голоду давно
Твой именитый род!»

«Мой гордый нрав и честь мою
Повсюду славят в мире.
Под лютию песни я пою,
Фехтую на турнире!
Каких мне дам пришлось любить
И как я был любим!
А ты, крестьянин, должен быть
Навек рабом моим».

«Заслуга, брат, невелика
Всю ночь бренчать на лютие.
Сравнится ль гордость мужика
С ничтожной честью трутня?
Не танцы и не стук рапир —
Поклясться я готов, —
А труд крестьянский держит мир
Надежней трех китов».

«Но если грянет час войны,
Начнется бой суровый,
Кто из немецкой стороны
Пойдет в поход крестовый?»

В пустыне — пекло, как в аду,
Но ад мне нипочем!
И сарацинам на беду
Я действую мечом!»

«Махать мечом — нелегкий труд,
И нет об этом спора,
Но в дни войны с кого берут
Бессчетные поборы?
Кто должен чертовы войска
Кормить да одевать?
Нет, даже тут без мужика
Не обойтись, видать!»

УЛИНГЕР

Веселый рыцарь на коне
Скакал по дальней стороне,
Сердца смущая девам
Пленительным напевом.

Он звонко пел. И вот одна
Застыла молча у окна:
«Ах, за певца такого
Я все отдать готова!»

«Тебя я в замок свой умчу,
Любви и песням научу.
Спустись-ка в палисадник!» —
Сказал веселый всадник.

Девушка в спальню вошла,
Колечки, камушки нашла,
Связала в узел платья
И — к рыцарю в объятья.

А он щитом ее укрыл
И, словно ветер быстрокрыл,
С красавицей влюбленной
Примчался в лес зеленый.

Не по себе ей стало вдруг:
Нет никого — сто верст вокруг.
Лишь белый голубочек
Уселся на дубочек.

«Твой рыцарь, — молвит голубок, —
Двенадцать девушек завлек.
Коль разум позабудешь —
Тринадцатую будешь!»

Она заплакала навзрыд:
«Слыхал, что голубь говорит,
Как он тебя порочит
И гибель мне пророчит?»

Смеется Улингер в ответ:
«Да это все — пустой навет!»

Меня — могу дать слово —
Он принял за другого.

Ну, чем твой рыцарь нехорош?
Скорей мне волосы взъерошь!
На травку мы приляжем
И наши жизни свяжем».

Он ей платком глаза утер:
«Чего ты плачешь? Слезы — вздор!
Иль, проклятый судьбою,
Покинут муж тобою?»

«Нет, я незамужем пока.
Но возле ели, у лужка, —
Промолвила девица, —
Я вижу чьи-то лица.

Что там за люди? Кто они?»
«А ты сходи на них взгляни
Да меч бы взять неплохо,
Чтоб не было подвоха».

«Зачем девице нужен меч?
Я не гожусь для бранных встреч.
Но люди эти вроде
Кружатся в хороводе».

Туда направилась она
И вдруг отпрянула, бледна:
В лесу, на черной ели,
Двенадцать дев висели.

«О, что за страшный хоровод!» —
Кричит она и косы рвет.
Но крик души скорбящей
Никто не слышит в чаще.

«Меня ты, злобный рыцарь, здесь,
Как этих девушек, повесь,

Но не хочу снимать я
Перед кончиной платья!»

«Оставим этот разговор.
Позор для мертвых — не позор.
Мне для моей сестрицы
Наряд твой пригодится».

«Что делать, Улингер? Бери —
Свою сестрицу одари,
А мне дозвошь в награду
Три раза крикнуть кряду».

«Кричи не три, а тридцать раз, —
Здесь только совы слышат нас.
В моем лесу от века
Не встретишь человека!»

И вот раздался первый крик:
«Господь, яви свой светлый лик!
Приди ко мне, спаситель,
Чтоб сгинул искунитель!»

Затем раздался крик второй:
«Меня от изверга укрой,
Мария пресвятая!
Перед тобой чиста я!»

И третий крик звучит в бору:
«О брат! Спаси свою сестру!
Беда нависла грозно.
Спеши, пока не поздно!»

Ее мольбу услышал брат.
Созвал он всадников отряд, —
На выручку сестрицы
Летит быстрее птицы.

Несутся кони, ветер свистит,
Лес вспугнут топотом копыт.
До срока подспели
Они к той черной ели.

«Что пригорюнился, певец?
Выходит, песенке — конец.
Сестру свою потешу —
На сук тебя повешу!»

«Видать, и я попался в сеть.
Тебе гулять, а мне — висеть.
Но только без одежды
Мне помирать не гоже!»

«Оставим этот разговор.
Позор для мертвых — не позор.

Камзол твой и кирасу
Отдам я свинопасу!»

И тотчас головою вниз
Разбойник Улингер повис
На той же самой ели,
Где пленницы висели.

Брат посадил в седло сестру
И прискакал домой к утру
С сестрицею родимой,
Живой и невредимой.

УКРАДЕННАЯ МУКА

Задумал мужик на пирушку пойти,
С подружкой за кружкой часок провести.
Вот он окликает подружку:
«Не хочешь ли, милая, выпить винца?
Пойдем-ка со мной на пирушку!»

«Винца бы, конечно, не худо испить,
Да жаль, что хозяину нечем платить».
«Э, тоже придумала горе!
На мельницу к мельнику рожь отвезу,
И денежки сыщутся вскоре».

Под утро, взвалив на телегу мешок,
Поехал на мельницу наш мужичок:

«Теперь-то утешу подружку!»
До самого вечера мельник молел,
А вышло муки — на полушку.

Доход — мукомолу, разор — мужику.
«Мошенник! Мою ты похитил муку!
Вернул половину, не боле!»
Но мельник хохочет: «Эх, глупый мужик!
Все дело тут — в мелком помоле».

И, тяжело вздыхая, с порожним мешком
Поплелся бедняга в деревню пешком.
Куражится мельник над парнем:

«Да, братец, небось как вернешься домой —
Задашь работенку пекарням!»

И только достиг он родного сельца,
Подружка навстречу сбегает с крыльца:
«Ну, много ли выручил денег?»
И, голову свесив, мужик говорит:
«Беда! Облапошил мошенник.

У мельника свиньи — не сыщешь жирней.
Знать, хлебушком нашим он кормит свиней:
В кормушку идет недодача.
Подумать, и дела-то нет наглецу
До нашего стога и плача.

У мельника баба что булка кругла,
У мельника дочка что сахар бела —
Сгодилась им наша крупчатка!
Вконец мужиков обобрал мироед.
Куда там! Живется несладко!

Завел он kota, на беду мужику.
Тот лапой когтистой царап по мешку —
Просыпал, глядишь, половину.
Эй, мельник! Злодея kota прогони,
Не то повернем к тебе спину!»

КРЫСОЛОВ ИЗ ГАМЕЛЬНА

«Кто там в плаще гуляет пестром,
Сверля прохожих взглядом острым,
На черной дудочке свистя?..
Господь, спаси мое дитя!»

Большая в Гамельне тревога.
Крыс развелось там страсть как много.
Уже в домах не счесть утрат.
Перепугался магистрат.

И вдруг волшебник — плут отпетый —
Явился, в пестрый плащ одетый,
На дивной дудке марш сыграл
И прямо в Везер крыс согнал.

Закончив труд, у магистрата
Волшебник требует оплаты,
А те юлят и так и сяк:
«За что ж платить-то? За пустяк?

Велик ли труд — игра на дудке?
Не колдовские ль это шутки?
Ступай-ка прочь без лишних слов!»
И хлопнул дверью крысолов.

Меж тем от крыс освобожденный,
Ликует город возрожденный,
В соборах — господу хвала! —
Весь день гудят колокола.

Пир — взрослым, детворе — забава,
Но вдруг у северной заставы
Вновь появился чужодей,
Сыграл на дудочке своей,

И в тот же миг на звуки эти
Из всех домов сбежались дети,
И незнакомец, всей гурьбой,
Увел их в Везер за собой.

Никто не видел их отныне,
Навек исчезнувших в пучине.

Рыдайте, матери, отцы —
Не возвратятся мертвецы.

Тела детей волна качает.
Кричи! — поток не отвечает.
Река бежит, вода течет.
Какой ценой оплачен счет!..

Всем эту быль запомнить надо,
Чтоб уберечь детей от яда.
Людская жадность — вот он яд,
Сгубивший гамельнских ребят.

БАЛЛАДА О ГЕНРИХЕ ЛЬВЕ

Чего так в Брауншвейге встревожен народ,
Кого провожают сегодня?
То Генрих Брауншвейгский уходит в поход
На выручку гроба господня.
Жену молодую обняв у ворот,
Он ей половину кольца отдает,
А сам, уходя на чужбину,
Другую берет половину.

Вот герцог по бурному морю плывет.
Беснуется черная бездна,
И рушатся мачты, и ветер ревет,
И помощи ждать бесполезно.

Корабль сиротливый наткнулся на риф.
Но вдруг в вышине появляется гриф:
«О боже, спаси мою душу!»
Он герцога вынес на сушу.

В гнездо, где алкал пропитанья птенец,
Влетел он с находкою странной,
Но Генрих Брауншвейгский был храбрый боец
И славился удалью бранной.
Спасенный от смерти по воле небес,
Он, грифа осилив, направился в лес
И в зарослях целыми днями
Кормился корой и корнями.

Однажды, бредя сквозь лесной бурелом,
Пытаясь разведать дорогу,
Увидел он схватку дракона со львом
И кинулся льву на подмогу.
Поверженный, рухнул дракон, захрипев.
И Генриху молвил израненный лев:
«Услуги твоей не забуду,
Навеки слугой твоим буду!»

А ночью явился к нему сатана:
«В Брауншвейге тебе побывать бы!
Там дома твоя молодая жена
Затеяла новую свадьбу!»
И горестно герцог промолвил в ответ:
«Ее ли винить? Миновало семь лет.
Дай мне повидаться с женою
И делай что хочешь со мною!»

И только он эти слова произнес,
Как черт себя ждать не заставил.
Он спящего герцога в город принес
И льва за ним следом доставил.
И Генрих воскликнул, разбуженный львом:
«Я гостем незваным являюсь в свой дом!
Должны мы поспеть на венчанье».
В ответ прозвучало рычанье.

Вот герцог вошел в переполненный зал,
Отвесив поклон неуклюже:
«Недурно б, сударыня, выпить бокал
За вашего первого мужа!»
И, глаз не сводя с дорогого лица,
Он бросил в вино половину кольца,
Хранимую им на чужбине,
И подал бокал герцогине.

Но что, побледнев, она вскрикнула вдруг —
Иль сделалось худо невесте?
«Вернулся мой Генрих! Мой верный супруг!
Навеки отныне мы вместе!»
И гости воскликнули все, как один:
«Вернулся возлюбленный наш господин!»
В старинном Брауншвейге едва ли
Такое веселье знавали.

Так герцог, что прозван был Генрихом Львом,
До старости герцогством правил.
А лев, находясь неотлучно при нем,
И в смерти его не оставил.
Не смог пережить он такую беду
И в тысяча сто сорок третьем году,
Теряя последние силы,
Почил у хозяйской могилы.

ПРО ВОДУ И ПРО ВИНО

Слышал я недавно поверье одно —
Рассказец про воду и про вино,
Как оба, друг с другом в ссоре,
Вечно бранятся, споря.

Как-то сказало воде вино:
«Во все я страны завезено!
В любом кабачке и таверне
Пьют меня ежевечерне».

Вода говорит: «Замолчи, вино!
Со мной не сравнишься ты все равно!
Я мельницу в ход пускаю —
Знать, сила во мне такая».

Но отвечает воде вино:
«Едва лишь осушат в стакане дно,
И каждый мне благодарен,
Пастух или важный барин».

Вода говорит: «Не кичись, вино!
Хозяйственных дел у меня полно.
Стирают во мне, и для варки
Меня потребляют кухарки».

Но отвечает воде вино:
«Мне в битвах бойцам помогать дано!
Губами приложатся к фляге
И хоть отбавляй отваги».

Вода говорит: «А скажи, вино,
Кто в банях людей услаждает умно?
Красавицам пылким желанны
Мои прохладные ванны».

И отвечает воде вино:
«С самим бургомистром дружу я давно!
Со мной он проводит все ночи
Там, в Бремене, в погребочке».

Вода говорит: «Погоди, вино!
А кто из насоса влетает в окно,

Когда ненасытное пламя
Уже завладело полами?»

И отвечает воде вино:
«А я с докторами во всем заодно!
Недаром у нас медицина
Лекарство разводит in vino».

Вода говорит: «Я не спорю, но
В кунсткамере я, а не ты, вино,
Теку из русалочьих глазок
На радость любителям сказок».

И отвечает воде вино:
«В дни коронаций заведено,
Чтоб я из фонтанов било
И людно на улицах было».

Вода говорит: «Посмотри, вино,
На море. Наполнено мной оно.
Больших кораблей караваны
Мои бороздят океаны!»

И отвечает воде вино:
«А я в винограде заключено.
Нежнейшие ручки, бывает,
В саду меня с веток срывают».

Вода говорит: «Но ответь, вино,
Кем все цветущее вспоено?
Без влаги сады бы увяли
И ты б появилось едва ли».

И так сказала вино тогда:
«Что ж, подчиняюсь тебе, вода,
Но только меня не трогай,
Иди-ка своей дорогой».

Вода говорит: «Берегись, мой друг!..»
Но тут явился трактирщик вдруг
И для умноженья доходу
Смешал и вино и воду.

ГОРЕМЫКА ШВАРТЕНГАЛЬЗ

В пути заметил я трактир
И постучал в ворота:
«Я горемыка Швартенгальз.
Мне пить и есть охота!»

Хозяйка отворила дверь.
Я плащ и шляпу скинул,
Налил вина — да стал глазеть
И кружку опрокинул.

Она тут потчевать меня,
Что барина какого.
Да только денег не возьмешь
Из кошелька пустого.

Хозяйка сердится, бранит —
Чуть не оглох от крика.
Постель не стелит, гонит прочь:
«Иди в сарай поспи-ка!»

Что делать, братцы! Лег я спать
В сарае возле дома.
Эх, завидная кровать —
Колючая солома.

Проснулся утром — смех и грех —
Дрожу, от стужи синий.
Вот так хоромы! — На стене
Засеребрился иней.

Ну что же, взял я в руки меч,
Пошел бродить по свету.
С пустым мешком пошел пешком,
Коль не дали карету.

А на дороге мне сынок
Купеческий попался,
И кошелек его тугой
По праву мне достался!

ЛИНДЕНШМИДТ

Еще недавно знаменит
Был грозный рыцарь Линденшмидт,
Когда у нас в округе
Он гарцевал на скакуне
В доспехах и в кольчуге.

Он слуг скликал не для добра:
«Друзья! Отважиться пора!
Не трусить — мой обычай.
Мы возвратимся в эту ночь
С отменною добычей».

Но славный баденский маркграф,
О черных замыслах узнав,

Велел забить тревогу,
И юный Каспар поспешил
Маркграфу на подмогу.

Вот мужичка встречает он:
«Надень монаший капюшон,
Прикинься капуцином.
Узнай, где бродит Линденшмидт,
И сразу напиши нам».

А мужичок — тот был хитер,
Он — шмыг на постоялый двор,
Видать, увлекся ролью:
«Подайте хлеба и вина,
Иду я с богомолья».

Хозяин: «Тсс! Отец святой,
К нам нынче прибыл на постой
Сам Линденшмидт со свитой.
Три кубка кряду осушив,
Уснул он как убитый».

«Эге, — смекает «капуцин», —
Ты мне попался, чертов сын!

Теперь погиб ты, леший».
И в замок Каспара тотчас
Он шлет гонца с депешей.

У Линденшмидта был сынок.
Зашел в конюшню паренек
Узнать, готовы ль кони,
И вдруг кричит: «Вставай, отец!
Мне слышен шум погони!»

Но грозный рыцарь Линденшмидт
Не просыпается — храпит.

Хмельной под стол свалился.
Напрасно сын зовет отца.
Сам Каспар в дом явился.

«Здорово, рыцарь! Как спалось?
Прекрасный сон видал небось?
Сейчас поедешь в Баден:
Тебе там выстроен дворец
Из черных перекладин!»

« Н е т , — отвечает Линденшмидт, —
Пускай наш спор судьба решит.
Хочу с тобою драться!..»
Но Каспар меч в него вонзил,
Чтоб он не смог подняться.

«Ну что ж. Мне жизнь недорого.
Но вот мой сын и мой слуга
Стоят перед тобою.
За ними, Каспар, нет вины.
Их я склонил к разбою».

Но молвил Каспар: «Всех казнить!
Куда игла — туда и нить!
Суд скор и беспощаден.
Три эшафота сколотил
Великий город Баден».

Свезли их в Баден всех троих
И поутру казнили их
В награду за злодейство.
Во рву, за городом, гниет
Разбойное семейство.

ЛОРЕЛЕЯ

Едва засеребрится
Высокая луна, —
С утеса в Рейн глядится
Красавица одна.

То глянет вверх незряче,
То вновь посмотрит вниз
На парусник рыбачий...
Пловец, остерегись!

Краса ее заманит
Тебя в пучину вод,
Взгляд сладко одурманит,
Напев с ума сведет.

Не зря с тоской во взоре
Она глядит окрест...
Не верь прекрасной Лоре,
Беги от этих мест!

От песни и от взгляда
Спеши уплыть скорей,
Спаستись от водопада
Златых ее кудрей.

Не одного сгубила
Русалка рыбака.
Черна в волнах могила.
Обманчива река.

КОРОЛЕВСКИЕ ДЕТИ

Я знал двух детей королевских —
Печаль их была велика:
Они полюбили друг друга,
Но их разлучала река.

Вот бросился вплавь королевич
В глухую полночную тьму,
И свечку зажгла королева,
Чтоб виден был берег ему.

Но злая старуха черница
Хотела разбить их сердца,
Ту свечку она загасила,
И ночь поглотила пловца.

Настало воскресное утро —
Кругом веселился народ.
И только одна королева
Стояла в слезах у ворот.

«О матушка, сердце изныло,
Болит голова, как в чаду.
Ах, я бы на речку сходила —
Не бойтесь, я скоро приду».

«О дочка, любимая дочка,
Одна не ходи никуда.
Возьми-ка с собою сестрицу,
Не то приключится беда».

«Сестренка останется д о м а , —
С малюткой так много хлопот:
Поди, на зеленой поляне
Все розы она оборвет».

«О дочка, любимая дочка,
Одна не ходи никуда.
Возьми с собой младшего б р а т а , —
Не то приключится беда».

«Пусть братец останется д о м а , —
С малюткой так много хлопот:

Поди, на зеленой опушке
Он ласточек всех перебьет».

Ушла во дворец королева,
А девушка в страшной тоске,
Роняя горячие слезы,
Направилась прямо к реке.

Вдоль берега долго бродила,
Печалась — не высказать как.
И вдруг возле хижины ветхой
Ей встретился старый рыбак.

Свое золотое колечко
Ему протянула она.
«Возьми! Но дружка дорогого
Достань мне с глубокого дна!»

Свою золотую корону
Ему протянула она.
«Возьми! Но дружка дорогого
Достань мне с глубокого дна!»

Раскинул рыбак свои сети,
И вот на прибрежный песок
Уже бездыханное тело
С немалым трудом приволок.

И девушка мертвого друга,
Рыдая, целует в лицо:
«Ах, высохли б эти слезинки,
Когда б ты сказал хоть словцо».

Она его в плащ завернула.
«Невесту свою приголубь!» —
И молча с крутого обрыва
В холодную бросилась глубь...

...Как колокол стонет соборный!
Печальный разносится звон.
Плывут похоронные песни,
Звучит погребальный канон...

ТАНГЕЙЗЕР

Вам о Тангейзере рассказ
Послушать бы не худо,
О том, как с ним произошло
Невиданное чудо.

Семь лет в пещере он провел
Возлюбленным Венеры
И вот задумал под конец
Уйти из той пещеры.

«Тангейзер, славный рыцарь мой,
Где ваш обет священный?
Ужель оплатите вы мне
Столь черною изменой?»

«Я вам обетов не давал,
Благодаренье богу.
Кто мне посмеет помешать
Отправиться в дорогу?»

«Тангейзер, славный рыцарь мой,
Таких, как в этом гроте,
Обворожительных страстей
Нигде вы не найдете».

«О нет! Тщетой греховных ласк
Меня прельщать не надо.
Я не хочу гореть в огне,
Изведать муки ада!»

«Да что вам смерть, кромешный ад
И преисподней пламя,
Коль я вам губы обожгу
Пунцовыми устами?»

«Зачем мне пламень ваших уст,
Коль ждет меня геенна?
Молю вас: дайте мне уйти
Из сладостного плена!»

«Вы не уйдете никуда.
Я не снесу потери.

До самой смерти ваша жизнь
Принадлежит Венере».

«Ах, жизнь загублена моя
В проклятом этом гроте.
Молю вас: дайте мне уйти
От вашей жадной плоти!»

«Тангейзер, вы в своем уме ль?
Оставьте эти речи!
Взгляните, брачная постель
Зовет к любовной встрече».

«О, я страшусь такой любви —
В ней пагуба таится.
Венера — чудо красоты —
Вы просто дьяволица!»

«Тангейзер, славный рыцарь мой,
Не смейтесь надо мною.
Вы мне заплатите еще
Ужасною ценою».

«Что делать? Мой мутится ум!
Я весь охвачен дрожью.
От этой женщины меня
Спаси, о мать божья!»

«Тангейзер, славный рыцарь мой,
Я не держу вас б о л е , —
Иные радости узнать
Желаю вам на воле!..»

И вот, с Венерою простясь,
К святым воротам Рима
Идет он, плача и молясь,
В лохмотьях пилигрима.

И, просветленный, шепчет он:
«Пред папой я предстану,
Покаюсь во грехе своем
Четвертому Урбану...»

«Святой отец! Внемли моей
Молитве покаянной.
Я много лет опутан был
Блудницей окаянной.

Теперь во прахе пред тобой
Стою, склонив колени:
Дай отпущение грехам,
Даруй мне избавленья!»

Урбан, на посох опершись,
Сказал: «Исчадьде ада!

Скорей сей посох расцветет,
Чем низойдет пощада!»

«О горе мне! — Тангейзер р е к . —
Куда бежать отсюда?
Отныне до конца времен
Я небом проклят буду!»

Он прочь из города идет,
Молясь и причитая:
«Навек с тобой я разлучен,
Мария пресвятая!»

И возвращается назад
Исполнен твердой веры,
Что сам господь его ведет
В объятия Венеры.

«Венера, юная жена!
Я вам назначен богом».
«Привет вам, славный рыцарь мой!
Конец моим тревогам».

Меж тем на третий день расцвел
Внезапно посох папы.
Вот это диво! — не попал
Тангейзер к черту в лапы.

Венера — юная жена —
Тангейзеру желанна.
Так бог жестоко посрамил
Четвертого Урбана!

ЛИЛОФЕЯ

В древнем царстве подводном жил-был водяной,
Но манила его земля:
Он задумал сделать своей женой
Лилофею, дочь короля.

Он из красного золота выстроил мост
И, невесте богатства суля,
Вызывал на свиданье при блеске звезд
Лилофею, дочь короля.

Он коснулся белой ее руки,
Красоту королевы хваля,
И пошла за ним следом на дно реки
Лилофея, дочь короля.

И тогда схватил ее водяной
(Словно горло стянула петля):
«Не уйдешь ты отсюда! Ты будешь со мной,
Лилофея, дочь короля».

Миновало много ночей и дней,
В светлой горнице из хрустала
Семерых родила ему сыновей
Лилофея, дочь короля.

Но однажды приснился ей странный сон —
Ей родная приснилась земля.
И услышала тихий церковный звон
Лилофея, дочь короля.

«Отпусти, отпусти меня, водяной!
Погляди: о пощаде моля,
В униженье и в горе стоит пред тобой
Лилофея, дочь короля».

Но угрюмый супруг отвечает ей,
Плавниками в воде шевеля:
«Кто же вскормит моих семерых сыновей,
Лилофея, дочь короля?»

«Ах, не бойся, супруг, я вернусь назад,
Хоть мила и прекрасна земля.

Разве может покинуть невинных чад
Лилофея, дочь короля?»

И она восстала со дна реки,
И в весенние вышла поля.
«Здравствуй, — вноги ей кланялись стебельки, —
Лилофея, дочь короля».

И вошла она тихо в господень храм,
Небеса о прощенье моля.
«Здравствуй, — люди склонились к ее ногам, —
Лилофея, дочь короля».

Прибежала мать, прибежал отец:
«Ты пришла, нашу скорбь исцеля,
Так пойдем же скорее в родной дворец,
Лилофея, дочь короля».

Все светилось, сияло вблизи и вдали,
Пело небо, и пела земля,
Когда слуги в родительский дом привели
Лилофею, дочь короля.

Гости ели и пили всю ночь напролет,
Сердце сладким вином веселя:
Возвратилась домой из безжалостных вод
Лилофея, дочь короля.

Вдруг в окно кто-то яблоко бросил на стол,
То, внезапно сойдя с корабля,
Ищет, требует, кличет незримый посол
Лилофею, дочь короля.

«Пусть в огне это яблоко нынче сгорит!» —
Приговор свой исполнить веля,
Оробевшей служанке, смеясь, говорит
Лилофея, дочь короля.

Но невидимый кто-то отвечает ей:
«В светлой горнице из хрусталя
Семерых ты оставила мне сыновей,
Лилофея, дочь короля».

«Ты троих заберешь, я возьму четверых,
Пусть им родиной будет земля», —
Так она сыновей поделила своих,
Лилофея, дочь короля.

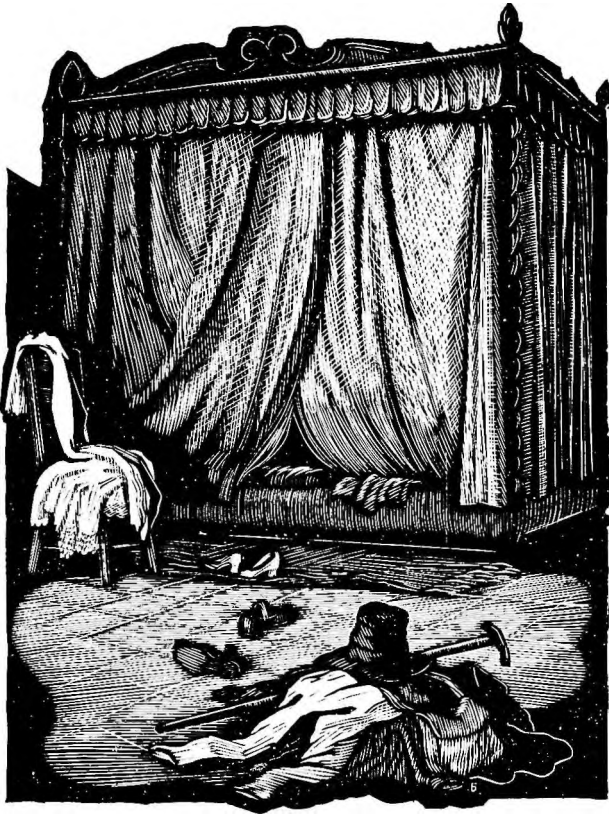
«Я троих заберу и троих я отдам.
Но, сокровище честно деля,
Мы седьмого должны разрубить пополам,
Лилофея, дочь короля.

Все поделим: и ноги и руки его.
Ты возьмешь половину и я.

Что ж молчишь? Неужель ты боишься кого,
Лилофея, дочь короля?»

«Иль ты думал мне сердце из камня дано?..
Ах, прощайте, цветы и поля!
Чем дитя погубить, лучше канет на дно
Лилофея, дочь короля».

ПИЛИГРИМ И НАБОЖНАЯ ДАМА

Однажды, к местам направляясь святым,
С котомкой по городу шел пилигрим
И жалобно пел, становясь у порога:
«Подайте, подайте, коль верите в бога!»

Вот глянула некая дама в окно:
«Дружок, отказать в твоей просьбе грешно,
Да муж мой, что держит меня в мышеловке,
Уехал и запер шкафы и кладовки.

Но ты не горюй — заходи поскорей.
На мягкой постели, в каморке моей
Найдешь подаянье особого рода,
Которым меня наделила природа».

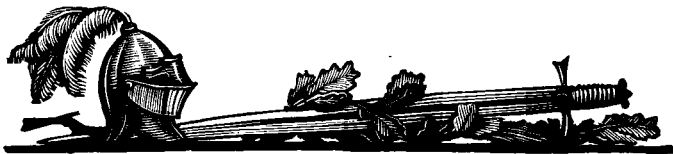
Вошли они в спальню — и дверь на засов.
Вдвоем до шести пролежали часов.
Вот шепчет она: «Подымайся с постели!
Ты, слышишь? На улице пташки запели».

И только ворота открыл пилигрим,
Как видит: хозяин стоит перед ним.
«Господь да пошлет тебе вечное благо!» —
Крестясь на ходу, произносит бродяга.

«Ой, женка! Поклясться могу головой —
Ты хлеба дала ему из кладовой!»
«Да нет, пустячком я его наградила,
Которым мамаша меня наделила».

«Ну что ж. Так учил нас господь поступать.
Но в дом посторонних опасно пускать.
Свой подаянья, невинная крошка,
Ты впредь на шесте подавай им в окошко».

«Супруг! Разговор мне не нравится твой.
Ведь это ж — блаженный, ведь это ж — святой.
И небо, раскрыв золотые ворота,
Воздаст нам сторицей за наши щедроты!»

ГОСПОДИН ФОН ФАЛЬКЕНШТЕЙН

Однажды с охоты граф Фалькенштейн
Скакал по лесам и полянам.
И вдруг на дороге увидел он
Девчонку в платке домотканом.

«Куда ты, красавица, держишь путь?
Не скучно ль бродить в одиночку?
Поедем! Ты в замке со мной проведешь
Хмельную, веселую ночь!»

«Чего вы пристали? Да кто вы такой?
Все хлопоты ваши напрасны».
«Так знай же, я — сам господин Фалькенштейн!
Теперь ты, надеюсь, согласна?»

«Ах, коли взаправду вы граф Фалькенштейн, —
Ему отвечает девица, —
Велите отдать моего жениха.
Он в крепости вашей томится!»

«Нет, я не отдам твоего жениха,
Ему ты не станешь женою.
Твой бедный соколик в поместье моем
Сгниет за тюремной стеною!»

«Ах, если он заживо в башне гниет, —
Бедняжка в слезах отвечает, —
Я буду стоять у тюремной стены,
И, может, ему полегчает».

Тоскует она у тюремной стены,
Звучит ее голос так жутко:
«О милый мой, коли не выйдешь ко мне,
Наверно, лишусь я рассудка».

Все ходит и ходит вокруг башни она,
Свою изливая кручину:
«Пусть ночь пройдет, пусть год пройдет,
Но милого я не покину!»

«Когда б мне дали острый меч,
Когда б я нож достала,

С тобою, граф фон Фалькенштейн,
Я насмерть бы драться стала!»

«Нет, вызов я твой все равно не приму,
Я с женщиной драться не буду!
А ну-ка, бери своего жениха
И прочь убирайтесь отсюда!»

«За что ж ты, рыцарь, гонишь нас?
Ведь мы небось не воры!
Но то, что нам принадлежит,
Берем без разговора!»

ДОЧЬ ПАСТОРА ИЗ ТАУБЕНГЕЙМА

Там, над рекой, в долине,
Умолкли жернова,
Не свищут птицы ныне
И не растет трава.

Там все черно и голо,
Все немо и мертво.
Ах, там я заколола
Малютку своего.

Река бежит, не спросит
О горести моей
И кровь его уносит
Куда-то в даль морей.

Вознесшись к звездным хорам,
Где Млечный Путь пролег,
Глядит на мать с укором
Мой бедный ангелок.

Мы с ним рыдаем вместе
Какую ночь подряд...
К утру на людном месте
Помост соорудят.

Но в час неумолимый
Умру, того кляня,
Кто звал меня любимой
И обманул меня.

Пусть на исходе ночи
Я лягу под топор,
Но ворон вырвет очи
Тебе за мой позор!

СПОР МЕЖДУ ЖИЗНЬЮ И СМЕРТЬЮ

Так Жизнь сказала:
— Мир этот — мой,
С весельем, песнями, кутерьмой.
Я — солнце в небе, я — свет дневной.
Так Жизнь сказала:
— Мир этот — мой!

Так Смерть сказала:
— Мир этот — мой.
Я все окутаю вечной тьмой.
Умолкнут песни в ночи немой.
Так Смерть сказала:
— Мир этот — мой!

Так Жизнь сказала:
— Мир этот — мой!
Хоть из гранита гробницы строй,

Не похоронишь любви святой.
Так Жизнь сказала:
— Мир этот — мой!

Так Смерть сказала:
— Мир этот — мой!
Иду с войною я и чумой.

В могилу ляжет весь род людской.
Так Смерть сказала:
— Мир этот — мой!

Так Жизнь сказала:
— Мир этот — мой!
Распашет кладбища плуг стальной.
Взойдет колосьями перегной.
Так Жизнь сказала:
— Мир этот — мой!

БЕГЛЫЙ МОНАХ

Я песню новую свою
Готов начать без страха.
А ну, споемте про швею
И черного монаха.

Явился к повару монах:
«Давай скорей обедать!
Что в четырех торчать стенах?
Хочу швею проведать!»

Вот он поел да побежал,
Пленный белой шейкой.
Всю ночь в постели пролежал
С красоткой белошвейкой.

Меж тем колокола гудят,
Зовут монахов к мессе:
«Ох, что сказал бы мой аббат,
Когда б узнал, что здесь я?»

Он пред аббатом предстает,
Потупив долу очи.
«Мой сын, изволь-ка дать отчет,
Где был ты этой ночью?»

И говорит ему чернец:
«Я спал с моею милкой»

И пил вино, святой отец,
Бутылку за бутылкой!..»

Весь день томительно гудят
Колоколов удары.
Монахи шепчут: «Бедный брат,
Побойся божьей кары!»

И говорит чернец: «Друзья,
Погибнуть мне на месте,
Но мне милей моя швея,
Чем все монахи вместе!»

Кто эту песенку сложил,
Ходил когда-то в рясе,
В монастыре монахом жил,
Да смылся восвояси.

ПОРТНОЙ В АДУ

Под утро, в понедельник,
Портняжка вышел в сад.
Навстречу — черт: «Бездельник,
Пойдем со мною в ад!
Теперь мы спасены!
Сошьешь ты нам штаны,
Сошьешь нам одежку,
Во славу сатаны!»

И со своим аршином
Портняжка прибыл в ад.
Давай лупить по спинам
Чертей и чертенят.

И черти смущены:
«Мы просим шить штаны,
Но только без примерки,
Во славу сатаны!»

Портной аршин отставил
И ножницы достал.
И вот, согласно правил,
Хвосты пооткромсал.
«Нам ножницы страшны!
Изволь-ка шить штаны,
Оставь хвосты в покое,
Во славу сатаны!»

С чертями трудно сладить.
Портной согрел утюг
И стал проворно гладить
Зады заместо брюк.
«Ай-ай! Ужель должны
Нас доконать штаны?
Не надо нас утюжить,
Во славу сатаны!»

Затем он вынул нитку,
Чертей за шкуру — хватить!
И пуговицы начал
Им к брюху пришивать.

И визг и плач слышны:
«Проклятые штаны!
Он спятил! Он рехнулся,
Во славу сатаны!»

Портной достал иголку
И, не жалея сил,
Своим клиентам ноздри
Как следует зашил.
«Мы гибнем без вины!
Кто выдумал штаны?
За что такая пытка,
Во славу сатаны?!»

На стену лезут черти —
Шитье всему виной.
«Замучил нас до смерти
Бессовестный портной!
Не слезем со стены!
Не будем шить штаны!
Иначе мы подохнем,
Во славу сатаны!»

Тут сатана явился:
«Ты, парень, кто таков?
Как ты чертей решился
Оставить без хвостов?»

Коль так — нам не нужны
Злосчастные штаны.
Проваливай из ада,
Во славу сатаны!»

«Ходите с голым задом!» —
Сказал чертям портной
И, распрощавшись с адом,
Отправился домой.
Дожив до седины,
Он людям шьет штаны,
Живет и не боится
Чертей и сатаны!

БАЛЛАДА О ДВУХ БРАТЬЯХ

Случилось, что как-то в единый час
Скончались два кровных брата.
Кто в жизни был беден — в раю сейчас,
В аду страдает богатый.

Богатого душит нещадный зной,
Он ввысь устремляет взгляды,
Туда, где блаженствует брат родной
Среди небесной прохлады.

«Ах, брат мой любимый, мой добрый брат,
Хотя бы глоток однажды
Из светлого рая прислал мне в а д , —
Ведь я изнемог от жажды».

«Ах, брат мой несчастный, твой скорбный зов
Едва ли услышат в небе:
Ты хлебом кормил свиней и псов,
А людям отказывал в хлебе».

«Любимый, единственный, добрый брат,
Замолви словцо за брата:
В своем прегрешеньи не я виноват —
Богатство мое виновато!

Мне легче держать на своих плечах
Все сущие в мире горы,
Чем жариться вечно в адских печах
С нетленным клеймом позора.

И если б по крошке от этих гор
Раз в год уносили птицы,
Я знал бы — изменится приговор
И в будущем мне простится».

«Аминь, аминь! И здесь и там
Господь всемогущий правит.
Молись — господь поможет нам
И в горе не оставит».

ПРОДАННАЯ МЕЛЬНИЧИХА

В деревню мельник под хмельком
Без денег шел, да с кошельком.
Но денежки найдутся.

Вот завернул он в лес густой —
Навстречу три злодея: «Стой!»
И три ножа сверкнули.

«Здорово, мельник! Нам нужна
Твоя брюхатая жена.
Мы хорошо заплатим!

Чего ты струсил? Не дрожи!
Вот — триста талеров держи
И убирайся с богом!»

«Как! Моего ребенка мать
За триста галеров отдать?!
Нет, мне жена дороже!»

«Бери шестьсот — и по рукам!
Ее ты в лес отправишь к нам
Не позже, чем сегодня!»

«Да вы в уме ль? — воскликнул м у ж , —
Мне за вдовство столь жалкий куш?!
Здесь тысячами пахнет!»

Хохочут изверги: «Разбой!
На девятьсот — и черт с тобой!
Но шевелись живее!»

Бедняга муж потер чело:
«Ну, девятьсот — куда ни шло.
Что ж! Сделка состоялась».

Домой вернулся он... Жена
Ждет у ворот как смерть бледна:
«Откуда ты так поздно?»

«Жена! Я из лесу иду.
Там твой отец попал в беду.
Беги к нему на помощь!»

И лишь она вступила в лес,
Как ей спешат наперерез
Разбойники с ножами.

«Красотка, здравствуй! В добрый час!
Твой муженек три шкуры с нас
Содрал за эту встречу!»

И принялись ее топтать,
По лесу за косы таскать.
«Сейчас помрешь, красотка!»

«О боже! Не снесу я мук!
Ах, проклят будь злодей супруг
На том и этом свете!

Когда бы мой услышал крик
Мой брат-охотник, в тот же миг
Он вас убил бы, звери!»

И тут, сестры заслышав зов,
Явился брат из-за кустов
И уложил злодеев.

«Сестрица, не о чем тужить.
Пойдем со мной! Ты будешь жить
В родном отцовском доме!..»

Прошло три долгих дня. И вот
Охотник мельника зовет:
«Зайди-ка, мельник, в гости!..»

«Ну, зять, здорово! Как живешь?
Что ж без жены ко мне идешь?
Сестрица не больна ли?»

«Ох, шурин, горе у меня.
Твою сестру третьёва дня
На кладбище снесли мы.

Душа бедняжки — в небесах...»
Но тут с младенцем на руках
К ним мельничиха вышла.

«Ах, мельник-изменник, мошенник и вор!
Жену заманил ты к разбойникам в бор —
Так сам отправляйся на плаху!»

СМЕРТИ ВОПРЕКИ

Голубка молила,
Голубка звала:
«Возьми меня, милый,
Тоска извела.

Мне горько, мне душно,
Мне здесь не житье!»
А я равнодушно
Покинул ее.

Поверив навету
Недобрых людей,
Бродил я по свету,
Печалась о ней.

И вот у могилы
В слезах я стою:
Тоска загубила
Голубку мою.

О, что я наделал!
Ведь это она,
Как солнце, прекрасна,
Как месяц, ясна.

Пусть сердце мое
Разорвется в куски —
Люблю тебя
Смерти самой вопреки!

Назло всем наветам
Тобой я горю,
Да поздно об этом
Тебе говорю.

ПРО СТРАНУ ШЛАРАФФИЮ

На белом свете есть одна
Весьма чудесная страна,
И не солгу, ей-богу,
Что сам туда бы побежал,
Когда бы знал дорогу.

Страну Шлараффией зовут.
Одни лентяи там живут
За сахарной горою.
А как быстрее к ним попасть,
Я вам секрет открою.

Кто хочет, пусть в один присест
Ту гору сахарную съест,

Затем на тропку выйдет
И ровно через пять минут
Шлараффию увидит.

Там стены башен и домов
Из кренделей и пирогов,
И в каждом закоулке
Растут на липах и дубах
Поджаристые булки.

Пирожным, пышкам — счету нет.
Не надо никаких монет —
Бесплатно все дается.
А если выпить захотел —
Вино в любом колодце.

Вокруг домов (таков приказ)
Стоят заборы из колбас —
Закуска под рукою.
Пасется прямо на лугу
Отменное жаркое.

Страна, как видим, неплоха:
В озерах плещется уха,
И рыбка не в обиде,
В сеть попадая к рыбаку
Уже в вареном виде.

Летают по небу — ей-ей —
Там стаи жареных гусей.
И — верите ли — сразу
Они лентяям прямо в рот
Влетают по заказу.

А что за свиньи в той стране!
С ножом и вилкою в спине
Взывают к вам: «Дружочек,
Отведать просим ветчины.
Отрежь себе кусочек!»

Пусть сыровары нас простят —
Там сыром улицы мостят,
И воробьиной стае
Незаменимая еда
Такая мостовая.

А летом — чудо из чудес! —
Не дождь, а мед бежит с небес
По всем холмам и склонам.
Что скажешь! Сладкое житье
В Шлараффии сластенам!

Шумит зима белым-бела —
Муку и сахар намела,
Мукой посыпан ельник.

Вот то-то будет пир горой,
Когда придет сочельник.

Весною каждая река
Полна парного молока,
А на лесной опушке
Растут на ветках, на сучках
Тарелки, ложки, кружки.

Едва възграет аппетит,
Всяк искупаться норовит,
И неспроста девицы
В шлараффской чудо-стороне
Пышны и круглолицы.

Богаче всех иных людей
Тот, кто содержит лошадей,
Затем что по привычке
Кобылы здешние несут
Алмазные яички.

Ну, а почет особый там
Закоренелым должникам.
Едва просрочишь дату,
Взаимодавец должнику
Двойную тащит плату.

А шаромыжники, луны!
Их превозносят до луны.
Встречают их приветом.
Но только требуется: лгать
И не краснеть при этом.

Считают там за благодать
Побольше в карты проиграть:
По местному закону
Тот, кто продулся в пух и в прах,
Все забирает с кону.

Зайти в любой шлараффский бор —
О, диво! Разгорится взор:
Висят на каждой ветке
Камзолы, шляпы, башмаки,
Атласные жилетки.

Вот это, понимаю, край!
Что приглянулось — выбирай.
Все по последней моде!
А платья, кружева, платки
Есть в каждом огороде.

Приходят люди на базар,
Товар меняют на товар.
Супругу дорогую,

Коль надоела, приводи —
Сменяешь на другую.

Течет за городом река,
Не широка, не глубока.
Столетний дед с одышкой
Ныряет в воду стариком,
А вынырнет парнишкой.

Когда поеду в ту страну,
Я захвачу с собой жену.
Пусть в речку окупнется
И вновь невестой молодой
Немедля обернется.

Кого вконец заела лень,
Кто спит в постели целый день,
Часов двенадцать кряду,
Тому вручает магистрат
Почетную награду.

Но если ты трудолюбив,
Прилежен, бодр и не ленив,
Тогда, согласно правил,
Тотчас потребуют, чтоб ты
Шлараффский край оставил.

Дурак, болтун и ротозей
Имеют звания князей,
А главный лежебока,
Провозглашенный королем,
В народе чтим глубоко...

...Все это нынешней зимой
Мне рассказал один немой,
А подтвердил публично
Слепой, который этот край
Недавно видел лично.

И у меня сомнений нет.
Так вот вам, лодыри, совет:
Зря небо не коптите,
А всей компанией честной
В Шлараффию катите!

ХОЗЯИН И ПОДМАСТЕРЬЕ

Зима стучится в двери,
Метели замели.
«Эй, слышишь, подмастерье?
Дровишек накопи!

Да шевелись живее,
Стащи-ка их в подвал,
Пока клюкой по шее
Тебе не надавал!..»

...Весна стучится в двери,
В саду ручей течет.
Приходит подмастерье
И требует расчет:

«А ну, плати, хозяин —
Я странствовать иду.
Ты вместо хлеба, каин,
Давал нам лебеду!»

«Ах, что ты? Ах, куда ты?
Останься до зимы.
Желаешь — два дуката
Я дам тебе займы.

Найдется белый пряник,
Коль черен хлеб ржаной.
Не хочешь спать в чулане —
Так спи с моей женой».

«Спать с этой старой бочкой?!
Рехнулся ты небось —
Когда с твоею дочкой
Недурно мне спалось!»

ВЛАСТЬ ДЕНЕГ

Деньги правят целым светом,
Все построено на этом.
Денег нет — ходи раздетым,
Голодай зимой и летом.
Будешь тощим, как скелет,
Коль в кармане денег нет.

Стоит Искусство под окном,
Да зря стоит: не впускают в дом.
В лохмотьях жалких Мудрость стонет —
Богач ее в три шеи гонит.
Честь, Верность, Правда, Доброта —
Для них закрыты ворота.

Могли бы вам Закон и Совесть
Поведать горестную повесть.
Придет Любовь — привратник злой
Бедняжке пригрозит метлой.
Но только в дом заглянет Пфенниг —
Везде желанный гость, мошенник.
Ведь без него ни встать, ни сесть,
Ни пива выпить, ни поесть.
Видать, сам черт забрался в пфенниг,
Коль не прожить и дня без денег!

БЫЛА Б ТЫ НЕМНОГО БОГАЧЕ...

Однажды я на берег вышла,
По тропке спустилась к реке.
Вдруг вижу: челнок подплывает,
Три графа сидят в челноке.

Вот граф, молодой и прекрасный,
В бокал наливает вина:
«Красавица, светик мой ясный,
Ты выпить со мною должна».

Глядит на меня чуть не плача
И шепчет, склонясь надо мной:

«Была б ты немного богаче,
Моей бы ты стала женой».

«Не смейтесь над девушкой честной.
Зачем мне ваш графский дворец?
Бедняк из деревни окрестной
Меня поведет под венец».

«А коль жениха не дождешься
Ни в том и ни в этом году?»
«Тогда я монахиней стану,
Тогда я в обитель уйду».

С тех пор миновало полгода,
Зима наступила, и вот
Приснилось ему, что голубка
Монахиней в келье живет.

Стрелой к монастырским воротам
Летит он на быстром коне...
Открылось окошечко: «Кто там?»
«Любовь моя, выйди ко мне!»

И девушка в белом наряде
Выходит к нему на порог.
Отрезаны длинные пряди,
И взгляд ее грустен и строг.

Он ей не промолвил ни слова,
Он ей не сказал ничего.
Но сердце от горя такого
Разбилось в груди у него.

СВИДАНИЕ С МЕРТВЫМ ЖЕНИХОМ

Ее он любил когда-то,
Да взяли его в солдаты.
Ему сказала она:
«Зачем так печален взор твой?
Живой ты будешь иль мертвый, —
Я стану ждать у окна,
Пока отгремит война».

За месяцем месяц мчится.
Вот всадник в окно стучится
Осенней порой ночной.
«Ты помнишь, иль ты забыла,
Как прежде меня любила?
Садись на коня со мной!»
«Я жду тебя, мой родной!»

Он обнял ее за шею
И вот уже вместе с нею
На черном летит коне.

«Не страшно ль тебе, родная?»
«О милый, ведь не одна я.
Чего же бояться мне
В своей ли, в чужой стороне?»

Как жалобно ветры плачут.
Как мертвые быстро скачут.
Проехали шаткий мост.

К часовне ведет дорога.
Осталось скакать немного:
Белеет вдали погост
При свете холодных звезд.

«Любовь моя и отрада,
Навек нам расстаться надо», —
Невесте сказал жених.
И лег он в сырую землю:
Лишь мертвых земля приемлет
В объятья могил своих,
Но не берет живых.

ВЕЙНСБЕРГСКИЕ ЖЕНЫ

Мы затынем с вами чинно
Эту песнь седых времен.
Есть серьезная причина
Нам воспеть отвагу жен,
Верность женскую прославить
В подобающих стихах,
Как бы памятник поставить
В человеческих сердцах.

Сей рассказ из давней были
К нам пришел через века:
Крепость Вейнсберг окружили
Наступавшие войска.

Кайзер Конрад разъяренный
Гнал на штурм бойцов своих,
Но железной обороной
Старый герцог встретил их.

День и ночь идет осада,
День и ночь гремит война.
Прочь отброшена пощада,
Вельфам гибель суждена.
Среди грохота и воя,
Средь бушующих огней
Милосердие простое
Груды золота ценней.

Крепость мечется в тревоге
От нежданной беды:
Перерезаны дороги,
Нет ни хлеба, ни воды.
Даже старые рубаки
Приуныли в эту ночь:
«Все подохнем, как собаки.
Может бог один помочь».

Но когда душа мужчины
В подлый страх погружена,
Из печали, из кручины
Мужа выручит жена.

Так и здесь... Твердя молитвы,
Через вражеский редут,
Толпы жен на поле битвы
Прямо к Конраду идут.

«Кайзер, внемли нашим стонам,
Дай от смерти жизнь спасти,
Разреши несчастным женам
Прочь из крепости уйти!»
И ответил победитель,
Тронут этою мольбой:
«Уходите и берите
Все, что можете, с собой!»

И взгляните — что за диво!
Свет любви тая в очах,
Жены вышли торопливо
С тяжелой ношей на плечах.
Но не серебро, не золото,
Не дары своей земли —
Мужа, сына или брата
На плечах они несли.

Конрад, полон удивленья,
Молвит: «Вот чего не ждал!»
И в припадке умиленья,
Как младенец, зарыдал.

И противнику в награду
За любовь и верность жен
Повелел он снять осаду.
Так был город пощажён...

О великие герои,
О бесстрашные бойцы,
Люди Спарты, люди Трои,
Громких подвигов творцы!
Вашей силе и отваге
Неспроста дивится свет.
Но в какой, скажите, саге
Подвиг женщины воспет?

Разве гимнов не достойна
Та, что, долю не кляня,
Мужа вынесет спокойно
Из смертельного огня?
Слова лишнего не скажет,
Все поймет и все простит,
Другу рану перевяжет,
Лоб горячий остудит.

Как божественное чудо,
Щедрой данное судьбой,
На земле везде и всюду,
Навсегда она с тобой!

Пусть же славятся отныне
До скончания времен
В гимне, в песне и в былине
Честь, любовь и верность жен!

БАЛЛАДА О ГОЛОДНОМ РЕБЕНКЕ

«Матушка, матушка, хлеба дай —
Голод замучил, хоть пропадай».
«Хлебушек завтра посеем, сынок.
Надо еще потерпеть денек».

Вот в землю брошено зерно —
Твердит ребенок все одно:
«Матушка, матушка, хлеба дай —
Голод замучил, хоть пропадай».
«Завтра начнется жатва, сынок!
Надо еще потерпеть денек».

Вот стало колосом зерно —
Твердит ребенок все одно:

«Матушка, матушка, хлеба дай —
Голод замучил, хоть пропадай».
«Завтра начнем молотить, сынок.
Надо еще потерпеть денек».

Уже в мешках лежит зерно —
Твердит ребенок все одно:
«Матушка, матушка, хлеба дай —
Голод замучил, хоть пропадай».
«Завтра на мельницу съезжу, сынок.
Надо еще потерпеть денек».

Мукою сделалось зерно —
Твердит ребенок все одно:
«Матушка, матушка, хлеба дай —
Голод замучил, хоть пропадай».
«В печку тесто поставлю, сынок.
Надо еще потерпеть денек».

Вот хлеб горою на столе,
Да жаль, дитя — в сырой земле.

НАДЕЖДА

Тяжела, страшна утрата —
Все погбло без возврата.
Понапрасну слез не лей.
Что корить судьбину злую?
Позабудь любовь былую,
О минувшем не жалей...

Но и в черный день бессилья
Нам дает надежда крылья,
Заставляет жить сердца.
Жарко шепчет: «Не сдавайся!
Полно хныкать! Оставайся
Тверд душою до конца!»

Ах, не будь у нас надежды,
Мы б давно сомкнули вежды,
Может, сами б в гроб легли.
Но она, лишь скорбь заметит,
Светлой радугой засветит,
Вспыхнет звездочкой вдали.

Если ранен, если болен,
Если жизнью обездолен,
Сердце даром не неволь.
Только вспомни про нее ты —
Сразу снимет все заботы,
И твоя утихнет боль.

Если стану помирать я,
Не спешите плакать, братья!
Пусть тогда моя родня
Позабудет о погосте,
Да зовет надежду в гости —
И, глядишь, спасет меня!

ПУТАНИЦА

Жил в мужике богатый дом,
Пил хлеб, закусывал вином,
Стриг ножницы овечкой.
Доской рубанок он строгал,
В коня повозку запрягал,
Топил поленья печкой.

Он просыпался к вечерку,
Стегал кобылой вожжи,
Из пирога он пек муку,
Из пива делал дрожжи.

Сажал он в репе огород,
Воров поставил у ворот,

Чтоб под покровом мрака
Не влезла в дом собака.

Он в рыбах озеро удил,
Ему сынок жену родил,
А мышь поймала кошку.
Кормил он курами овес,
Землею удобрял навоз,
Хлебал отваром ложку.

Он на ночь хлев пускал в коров,
Срывал деревья с груши,
В деревню лес возил из дров,
На лодке плыл по суше.

Подковой молот он ковал,
Огнем горнило раздувал
И, выпачкавшись в бане,
Купался в грязном жбане.

Но вот, закончив зимний сев,
На шляпу голову надев,
Побрел он на пирушку.
В кругу заплаканных кутил
Он, трубку спрятав, закурил
И в пиво налил кружку.

Да не пришлось попивать:
Подвыпивший бродяга
По кулаку зубами — хватать!
И помер наш бедняга.

Ему могилу принесли,
Он встал живой из-под земли,
Отпел отца святого
И в пляс пустился снова!

**СТАРИННОЕ ПРЕДСКАЗАНИЕ
БЛИЗКОЙ ВОЙНЫ, КОТОРАЯ,
ОДНАКО, ОКОНЧИТСЯ ВЕСНОЮ**

Как подойдет Святой Матвей,
Листва осыплется с ветвей,
В полях задует ветер, лют.
Остерегайся, бедный люд!
Спустилось солнышко в овраг.
В страну идет старинный враг,
Ведет бесчисленную рать
И всех готовится сожрать!
Уже он бросил в первый бой
Холодный дождь и ветер злой,
И в подпол прячутся скорей
Картофель, репа, сельдерей.
Дрожит озябшая лоза.
В испуге вылупив глаза,

Глядят вокруг: сбежать куда бы? —
Лягушки, ящерицы, жабы.
А тот идет со всех сторон!
Отважных птиц он гонит вон.
От взбудораженной земли
Летят подальше журавли.

Враг близко! Рядом! У ворот!
Но не теряется народ:
В домах, готовясь к бранной встрече,
Вставляют стекла, чинят печи,
Несут мешки, бочонки катят,
Двойные двери конопатят.
Держитесь, братцы! Не робейте!
Пуховики, перины взбейте!
Не спите около окон!
Война диктует свой закон:
Нельзя судачить на крылечке,
Запрещено купаться в речке
И — ни открыто, ни тайком —
По саду бегать босиком.
Должны быть спрятаны в кладовке
Все ваши летние обновки,
Платки и кофточка из ситца
Не могут до поры носиться,
Штаны и шляпы под запретом,
В которых вы ходили летом.

Враг у ворот! Готовьте сани!
Уже везут дрова крестьяне,
И уголь угольщик везет,
Чтоб нас избавить от невзгод...

Но вот в село вступает враг.
Он развернул свой снежный флаг.
Овладевая рубежом,
Он режет ветром, как ножом,
Леса и реки в плен берет.
Но говорит ему народ:
— Плевать на то, что ты суров!
В хлева упрячем мы коров,

Наденем боевые латы
Из меха, войлока и ваты.
Держись! Ногами будем топать,
Тереть носы, руками хлопать.
Не убоимся ничего!
А ну, посмотрим, кто — кого?

И тут же армия врага
На нас обрушила снега.
Река — под ледяною кровлей.
Как быть отныне с рыбной ловлей?
Но мы злодею на беду
Прорубим проруби во льду.
Пусть враг забрал у нас коляски,
У нас есть сани да салазки.

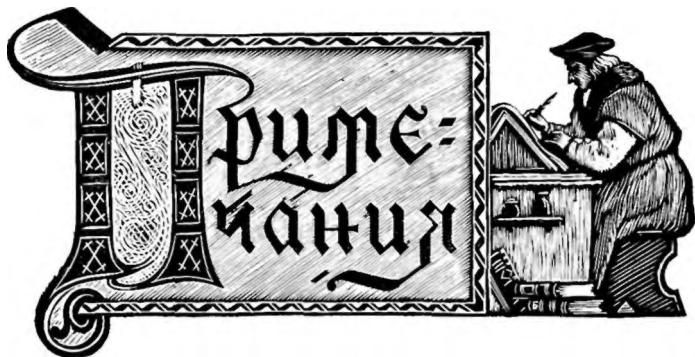
Но враг войну ведет всерьез.
Он шлет на мельницу мороз.
Вот нам и черный понедельник!
Да не робеет старый мельник.
Враг хорошо ему знаком,
Его он шпарит кипятком,
Лопатой бьет, огнем страшает —
И вновь колеса вал вращают.
А между тем из всех избушек
Дым вылетает, как из пушек.

Огонь! — и мы печам в нутро
Суем полено, как ядро.
Закрты наглухо все двери.
Но, впрочем, есть у нас потери:
Кому-то бешеный мороз
Отменно изукрасил нос,
Другой — метелицей контужен,
А третий кашляет: простужен.

Что делать?.. Но в конце концов
Мы за весной пошлем гонцов.
Весна придет! Свершится чудо!
О, как морозу будет худо,
Когда через недолгий срок
Подует вешний ветерок,
Вернет тепло родным просторам,
И станет враг худым и хворым.
Тогда сквозь все пробьются дыры
Приметы радости и мира:
Травинка, стебель, ландыш хрупкий.
Мороз согласен на уступки,
Но солнце огненным лучом
Пронзит злодея, как мечом.
Все встрепенется, оживится,
Из дальних стран вернутся птицы,
Проснутся нивы и луга,
Освободившись от врага.

Но лишь пойдет на убыль год,
Враг снова двинется в поход.
И ты, приятель, помня это,
Всегда к зиме готовься с лета.
Тебе примером — муравей.
И пусть придет Святой Матвей!

Крестьянин и рыцарь.

Баллада записана в Мюнхене, в начале XV в. Существует в нескольких вариантах.

Перевод сделан по тексту, помещенному в собрании Людвиг Уланда.

Улингер.

По свидетельству Л. Уланда, впервые была обнаружена Ф. Гуткнехтом в Нюрнберге между 1548—1580 гг. Однако происхождение баллады более древнее. Образ рыцаря, который сладкозвучными песнями заманивает доверчивых девушек, возник в немецкой народной поэзии еще в XIV в. В некоторых ранних вариантах баллады имя героя — Адальгар.

Украденная мука.

Записана в 1580—1600 гг. Помещена в собрании В. Штейница (Берлин, 1954).

Крысолов из Гамельна.

Устная баллада. Любопытна оценка Гёте, прочитавшего «Крысолова» в «Волшебном роге мальчика»: «Смахивает на уличную песню, однако не лишена изящества».

Баллада о Генрихе Лье.

Записана в XVI в., подвергалась неоднократным обработкам (собрание Г. Бенцмана).

Генрих Лев (XII в.) — герцог из рода Вельфов; владел Саксонией, Баварией, Брауншвейгом; вел многочисленные между-

усобные и захватнические войны; совершил паломничество в Палестину.

Про воду и про вино.

Устная баллада XV—XVI вв. Помещена в «Волшебном роге мальчика».

Горемыка Швартенгальз.

Записана в Нюрнберге в 1500 г. (собрание К. Зимрока).

Линденшмидт.

В виде «летучего листка» распространялась в Мюнхене в 1646 г. *Рыцарь Линденшмидт* — реально существовавшее лицо. Сохранилось немало народных преданий о его злодействах.

Лорелея.

Один из вариантов легенды о Лорелее (опубликован Лебеном в 1821 г.). В XIX в. образ Лорелен привлек внимание Гейне, Брентано, Эйхендорфа.

Королевские дети.

Впервые была записана в Мюнстере в XV в. Широко распространена в Германии во множестве вариантов. Ее возникновение исследователи относят к концу XII — началу XIII в., а иные говорят об ее античном происхождении (см. легенду о Геро и Леандре).

Перевод сделан по варианту из собрания К. Зимрока.

Тангейзер.

Издана Ф. Гуткнехтом в Нюрнберге в 1565 г.

Неоднократно привлекала внимание поэтов и композиторов. Своего знаменитого «Тангейзера» Генрих Гейне написал, сохранив «ту же фактуру, тот же ритм и план, что и у старинного поэта». В отличие от него поэты-романтики Тик и Брентано лишили балладу ее первоначальной антиклерикальной направленности. На-

родное предание вдохновило Рихарда Вагнера на создание музыкальной драмы «Тангейзер».

Тангейзер — рыцарь, поэт-миннезингер XIII в. Прожил весьма бурную жизнь, полную самых разнообразных приключений, что, очевидно, и послужило основой для народного предания.

В основу перевода положен текст из собрания Л. Уланда.

Лилофея.

Записана в Силезии в XV в. Варианты ее распространялись также в Бранденбурге и Померании. В иных вариантах водяной убивает Лилофею (Агнесу, Ганнеле) за отказ вернуться к детям.

Пилигрим и набожная дама.

В виде «летучего листка» в 1556 г. распространялась во Франкфурте и Эрфурте. Гёте дал балладе высокую оценку, назвав ее «хорошим, удачно воспроизведенным шванком».

Перевод сделан по варианту, помещенному в «Волшебном роге мальчика».

Господин фон Фалькенштейн.

«Летучий листок» начала XVI в. (собрание Ф. Эрлаха).

Дочь пастора из Таубенгейма.

Название баллады условное и дано Арнимом и Брентано, которые поместили ее в «Волшебном роге мальчика» как фольклорный источник знаменитой баллады Бюргера.

Спор между Жизнью и Смертью.

Записана в XVI в. Перевод сделан по тексту, напечатанному в антологии средневековой немецкой поэзии «Das Tor» (Берлин, 1949).

Беглый монах.

Записана в Мюнстере в XV в. (собрание Г. Бенцмана).

Портной в аду.

Устная баллада конца XVI — начала XVII в. Напечатана в собрании К. Зимрока.

Баллада о двух братьях.

В XVI—XVII вв. распространялась устно. Под названием «Бремя греха» («Sündenlast») помещена в книге Арнима и Брентано «Волшебный рог мальчика».

Проданная мельничиха.

«Летучий листок» конца XVI в. (собрание Г. Бенцмана).

Смерти вопреки.

Баллада распространялась устно; впервые опубликована Арнимом и Брентано.

Про страну Шлараффию.

Записана в XV в. Своеобразная сатирическая утопия. Обработана Гансом Саксом в 1530 г. в его антифеодальной сатире «Шлараффия».

Хозяин и подмастерье.

Записана в Рейнской области в XVII в. Напечатана в собрании К. Зимрока.

Власть денег.

Народная песня XVI в. в обработке Иоганна Михаэля Моше-роша, немецкого поэта-сатирика XVII в.

Была б ты немного богаче...

Возникла в 1544 г. Одна из любимых баллад Карла Маркса. Перевод сделан по тексту из собрания В. Штейница (Берлин, 1954).

Свидание с мертвым женихом.

Баллада записана среди немецкого населения Краины в 1572 г. По мнению Г. Бенцмана, послужила основой для Бюргеровой «Леноры».

Вейнсбергские жены.

Впервые стихотворная «Сага о вейнсбергских женах» была записана Генрихом Бюнтингом в Магдебурге в 1584 г. Событие, отраженное в ней, действительно имело место в 1140 г. и послужило основой для многих народных песен и сказаний. Тема вейнсбергских жен использована в замечательных балладах Бюргера и Шамиссо.

В основу перевода положен текст баллады, литературно обработанный Зигмундом фон Биркеном (Нюрнберг, 1673).

Вельфы — немецкий феодальный род, активно боровшийся против усиления власти германских императоров.

Баллада о голодном ребенке.

Записана в районе между Галле и Эйсlebenом в XVI в. (собрание Л. Уланда).

Надежда.

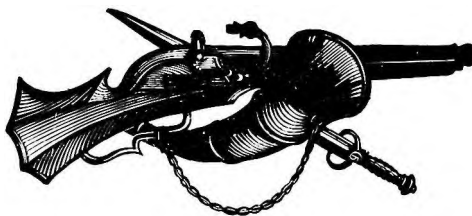
Напечатана в собрании Ф. Эрлаха (Мангейм, 1835).

Путаница.

В виде «летучего листка» распространялась в Нюрнберге в 1530 г. (собрание Г. Бенцмана).

Старинное предсказание близкой войны, которая, однако, окончится весной.

Записана в Мейсене в 1806 г. Помещена в «Волшебном роге мальчика».

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Л. Гинзбург.</i> Предисловие	5
---	---

НЕМЕЦКИЕ НАРОДНЫЕ БАЛЛАДЫ

Крестьянин и рыцарь	11
Улингер	14
Украденная мука	21
Крысолов из Гамельна	25
Баллада о Генрихе Льве	28
Про воду и про вино	32
Горемыка Швартенгальз	37
Линденшмидт	39
Лорелея	44
Королевские дети	46
Тангейзер	50
Лиллофея	57
Пилигрим и набожная дама	63

Господин фон Фалькенштейн	65
Дочь пастора из Таубенгейма	69
Спор между Жизнью и Смертью	71
Беглый монах	74
Портной в аду	77
Баллада о двух братьях	81
Проданная мельничиха	83
Смерти вопреки	88
Про страну Шлараффио	91
Хозяин и подмастерье	98
Власть денег	100
Была б ты немного богаче...	102
Свидание с мертвым женихом	105
Вейнсбергские жены	109
Баллада о голодном ребенке	114
Надежда	116
Путаница	118
Старинное предсказание близкой войны, которая, однако, окончится весной	121
Примечания	129

НЕМЕЦКИЕ НАРОДНЫЕ БАЛЛАДЫ

Редактор Л. Микулин

Художественный редактор Л. Калитовская

Технический редактор В. Овсеенко

Корректор Т. Козменко

*

Сдано в набор 30/VII 1958 г.
Подписано в печать 3/III 1959 г.
Бумага 70 X 108 $\frac{1}{2}$ — 4,25 печ. л. = 5,82 усл.
печ. л. 3,72, уч.-изд. л. Тираж 25 000 экз.
Заказ № 3973. Цена 11 р. 40 к.

Гослитиздат

Москва, Б-66, Ново-Басманная, 19.

*

Типография «Красный пролетарий»

Гослитиздата

Министерства культуры СССР,
Москва, Краснопролетарская, 16.